М. ВИНАВЕРЪ.

ОБЪ АДВОКАТУРѢ.

(Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго юридическаго общества 1 мая 1899 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ, Троицк., 18.
1899.

1/11
44369

М. ВИНАВЕРЪ.

ОБЪ АДВОКАТУРѢ.

(Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго юридическаго общества 1 мая 1899 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ, Троицк., 18.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 іюня 1899 г.

ОБЪ АДВОКАТУРѢ.

(Рѣчь, произнесенная въ общемъ собраніи С.-Петербургскаго юридическаго общества 1 мая 1899 года).

I.

„Сословіе столь древнее, какъ магистратура столь возвышенное, какъ добродѣтель, столь необходимое, какъ справедливость“,—такъ писалъ объ адвокатурѣ столпъ абсолютитской монархіи Людовика XIV, канцлеръ Дагессо.

„Только въ этой профессіи сохранилось мужество истины; только она была школою гражданскихъ добродѣтелей, гдѣ таланты и доблесть научались выступать въ защиту интересовъ народа передъ законодателемъ“,—такъ говорилъ объ адвокатурѣ сокрушитель монархій, Робеспьеръ.

„Они мятежники, виновники преступленій и измѣнъ; я желалъ бы урѣзать языкъ всякому изъ нихъ, кто употребитъ его противъ правительства“,—говорилъ объ адвокатахъ Наполеонъ I.

Откуда столь высокая аттестація съ одной стороны и такая ярая ненависть съ другой? Почему профессіи судебныхъ „болтуновъ“, призванныхъ защищать передъ судомъ частныя судебныя дѣла, суждено было стать школою гражданскихъ добродѣтелей? Отчего, наконецъ, она вызывала въ разныя эпохи преклоненіе и ненависть двухъ представителей одного и того же монархическаго принципа?

Адвокатура Франціи — прототипъ адвокатуры всего континента Европы — окрѣпла и расцвѣла благодаря особымъ историческимъ условіямъ, и только въ освѣщеніи этихъ условій возможно уяснить современный строй и истинную роль адвокатуры вообще. Появленіе адвокатуры на историческомъ поприщѣ совпадаетъ съ возникновеніемъ борьбы между средневѣковымъ укладомъ жизни и новою централистическою государственною идеею. Мѣстные провинціализмы обречены были на гибель; на мѣсто многоголоваго феодальнаго организма становился монархъ; исчезалъ членъ сословія, корпораціи, и на смѣну ему шелъ гражданинъ государства; на мѣсто партикулярныхъ правъ становилось единое, всеобщее право. Среди всего запаса культурныхъ средствъ, которыми обладало въ то время человѣчество, не было ни одного болѣе пригоднаго для осуществленія этой великой миссіи, чѣмъ римское право. Оно было воплощеніемъ античнаго генія и потому окружено ореоломъ особаго ве-

личія; оно было универсальнымъ правомъ универсальной монархіи; оно было такъ стройно и полно, что, казалось, стоило только въ него углубиться, и отвѣтъ на всѣ сомнѣнія пытливаго ума, на всѣ запросы совѣсти будетъ найденъ. Оно стало предметомъ религіознаго культа,—оно представлялось воплощеніемъ чистой идеи справедливости.

Проводники, насадители юридическихъ началъ—ученые легисты, адвокаты — не просто мастера опредѣленнаго ремесла, они священнослужители ордена. Сознавая святость своей миссіи, они сплачиваются въ союзъ, но союзъ этотъ выдвигается изъ ряда прочихъ даже своимъ названіемъ: онъ не цехъ, не корпорація—это слишкомъ низменно,—онъ именуется „сословіемъ", ordre, съ такимъ же правомъ, съ какимъ именовалось такъ рыцарство. Повседневная въ обычныхъ условіяхъ работа юриста—проведеніе въ жизнь правовыхъ началъ—окружается особымъ нимбомъ, потому что эта работа есть лозунгъ эпохи, потому что она не въ абстрактномъ только построеніи, а конкретно, въ приложеніи къ живой общественной группѣ, выступаетъ какъ сила творческая, глядящая въ будущее, созидающая идейное основаніе грядущему государству. Этой силѣ покровительствовали короли, передъ нею трепетали феодалы; ее то государственный канцлеръ считалъ „возвышенною, какъ добродѣтель, необходимою, какъ справедливость".

Но времена перемѣнились. Сплотившаяся воедино монархія почувствовала свою крѣпость; принципы права лишились въ глазахъ ея своей обаятельной силы; государство провозгласило само себя источникомъ права. Нѣтъ права какъ силы самодовлѣющей, выше государства стоящей,—а если нѣтъ культа, то не нужно и священнослужителей. Государство само можетъ справиться со всѣми функціями.

Потому-то офранцуженный король Пруссіи, представитель просвѣщеннаго абсолютизма, одѣваетъ своихъ адвокатовъ въ прусскіе мундиры; потому Наполеонъ I желаетъ урѣзать языкъ всякому, который употребитъ его въ защиту права противъ правительства.

Сами священнослужители не теряли, однако, представленія о святости своей миссіи: они претерпѣли всѣ бури, являясь оплотомъ права среди смѣняющихся политическихъ теченій, и донесли свой палладіумъ до лучшихъ дней—до нашихъ дней.

Современное государство чуждо сознанія своего всевластія. Оно не только признаетъ самодѣятельность общественныхъ группъ, связанныхъ единствомъ опредѣленныхъ цѣлей: оно признаетъ прежде и главнѣе всего совершенную обособленность, независимость—я бы сказалъ, особую святость—той функціи, которая состоитъ въ примѣненіи права. Судъ, независимый отъ административныхъ вліяній, судья несмѣняемый,—государственная власть, какъ

сторона въ процессѣ, подчиненная другому, высшему началу,—все это вѣхи, вбитыя въ современный строй идеей правового государства.

Рядомъ съ независимымъ судомъ,—направляясь къ однимъ съ нимъ цѣлямъ, но нѣсколько иными путями, — становится независимая адвокатура. Усложненныя житейскія отношенія дѣлаютъ ее необходимой для суда; безъ нея, какъ выражается одна старая записка временъ реформы, „совсѣмъ невозможно точное и полное объясненіе дѣлъ". Содѣйствуя этому объясненію дѣлъ, т. е. подведенію дѣйствительности подъ общія правовыя нормы, адвокатура исполняетъ часть судебной функціи,—она осуществляетъ право.

Только по волѣ случайныхъ историческихъ судебъ эта основная функція ея превращалась до сихъ поръ въ орудіе политической борьбы: адвокатура объявлялась то школою гражданскихъ добродѣтелей, то гнѣздомъ измѣны. Истинная ея, самостоятельная, не случайная роль забывалась. Вслѣдствіе этого съ одной стороны въ средѣ самой адвокатуры зарождалось невѣрное, преувеличенное представленіе объ ея задачахъ, съ другой — и это особенно печально отразилось на ея судьбахъ—адвокатура стала служить пугаломъ для всѣхъ яркихъ представителей государственнаго начала. Императоръ Николай I, когда ему намекнули на необходимость введенія адвокатуры у насъ, воскликнулъ: „Адвокаты погубили

Францію. Кто были Мирабо, Маратъ, Робеспьеръ и другіе? Нѣтъ, пока я буду царствовать, Россіи не нужны адвокаты; проживемъ и безъ нихъ". Между тѣмъ уже одно то, что адвокатура служила въ разныя эпохи то опорою, то противовѣсомъ одной и той же политической системы, доказываетъ, что въ ней не было ничего политическаго въ истинномъ смыслѣ слова, что она руководилась своими особыми началами, и что отношеніе ея къ власти и взаимное отношеніе власти къ ней зависѣли не отъ той или иной политической системы самой по себѣ, а отъ отношенія этихъ системъ къ защищаемому ею правовому принципу.

Только эмансипація правовыхъ функцій въ современномъ государствѣ ясно ставитъ на очередь вопросъ объ истинной задачѣ адвокатуры,—задачѣ гораздо болѣе обширной, чѣмъ та, которая ей навязывалась временными политическими теченіями. Уясненіе этой задачи имѣетъ существенную важность — не для устраненія страха передъ адвокатурою, въ виду возможныхъ политическихъ ея тенденцій, а для того, чтобы сгущеніемъ самосознанія въ самой адвокатурѣ придать ей внутреннюю крѣпость,— чтобы одухотворить ея дѣятельность идейнымъ началомъ, не случайно выдвинутымъ, а соотвѣтствующимъ существу реальной ея дѣятельности; чтобы заново наполнить завѣщанный ей стариною драгоцѣнный, но какъ будто пу-

стѣющій отъ времени сосудъ такъ называемыхъ сословныхъ традицій.

II.

„Они—грабители имуществъ, извратители законовъ, коршуны въ тогахъ, выгоняемые собаками съ публичныхъ площадей; они опутываютъ ловкими рѣчами честность судей; продажные рты, они поражаютъ истину и обращаютъ суды въ тайные капканы“,—такъ характеризовали адвокатуру бытописатели и сатирики древняго Рима; такъ характеризуютъ ее бытописатели и сатирики нашихъ дней.

Въ этомъ приговорѣ, неизмѣнно проходящемъ въ теченіе ряда вѣковъ надъ цѣлою группою людей, есть нѣчто трагическое. Они упорно провозглашаютъ себя служителями общества, насадителями началъ, которыми держится и укрѣпляется общественный строй, а общество отъ нихъ отворачивается: они-де извращаютъ законы, опутываютъ умъ, поражаютъ истину...

Когда адвокатура вводилась у насъ, составители судебныхъ уставовъ писали: „Если бы законы могли быть настолько ясны и просты, чтобы каждый былъ въ состояніи примѣнять оные; если бы всѣ возникающіе въ дѣлахъ вопросы могли быть заранѣе предвидѣны и съ полною точностью означены въ законахъ, то,

конечно, не было бы надобности въ установленіи особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ; но такого совершенства законовъ нельзя найти, почему и учрежденіе повѣренныхъ считается основнымъ началомъ образованія судебной защиты".

Адвокатъ, значитъ, призывается къ правотворческой дѣятельности.

Онъ—представитель кліента. Кліенту этому дорогъ только конечный результатъ: осуществленіе его личнаго интереса; правовая сфера для него—только орудіе для достиженія этой цѣли. Адвокатъ преображаетъ конкретный фактъ и переводитъ его въ правовую сферу,—сферу своеобразную, управляемую особыми законами, недопускающую никакихъ инородныхъ элементовъ. Только проникая въ эту сферу, воспринимая ее какъ цѣлое, онъ можетъ рѣшить задачу, возлагаемую на него его профессіею, т. е. связать конкретный фактъ съ опредѣленною юридическою нормою. Этотъ моментъ есть живой нервъ дѣятельности адвоката—онъ является рѣшающимъ для его отношенія къ правовой сферѣ,—онъ и создаетъ огромное различіе между его отношеніемъ къ правовой сферѣ и отношеніемъ его кліента.

Стоя ближе всѣхъ къ конкретному факту, связывая его съ юридическою нормою, адвокатъ расширяетъ и суживаетъ самый законъ. Онъ творитъ право. Ни у кого такъ мысль не напряжена въ сторону извлеченія изъ даннаго

живого матеріала юридической нормы, какъ у него.

„Онъ испытуетъ, углубляется, взрываетъ,— говоритъ Пикаръ,—и гдѣ только возникаетъ сомнѣніе, онъ выводитъ его наружу. Каждый мигъ въ судебныхъ преніяхъ приноситъ нѣчто новое. Оно зарождается, ростетъ и зрѣетъ у адвокатской каѳедры, въ пылу взаимныхъ защитъ, сѣмена коихъ всходятъ въ судебномъ рѣшеніи. И если иногда приходится защищать безъ надежды на успѣхъ, вопреки общепринятымъ взглядамъ, только во имя идеи права, то за то нѣтъ для насъ выше тріумфа, какъ видѣть судъ покидающимъ установленные пути толкованія“.

Итакъ, адвокатъ, въ силу условій своей дѣятельности, необходимо является и служителемъ и творцомъ права. Эта единственная характерная особенность неизмѣнно присуща дѣятельности адвоката во всѣ времена. Передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ страны въ страну, она укрѣпляетъ вѣру въ силу правового начала и сознаніе общественной миссіи адвокатуры.

Но самое сознаніе права, какъ высшей силы, независимой отъ государства, выросло не сразу, да и теперь еще не вполнѣ укрѣпилось. Въ указанной выше борьбѣ стараго строя съ новымъ,—борьбѣ, доходящей до нашихъ дней,—слишкомъ выдвигалось отстаиваніе права самого по себѣ, какъ независимаго отъ госу-

дарства начала,—для того, чтобы могло быть обращено достаточное вниманіе на его особенныя, неполитическія задачи. Сознаніе важности этихъ особенныхъ задачъ все еще чуждо нашему обществу. Ему чуждо юридическое мышленіе вообще. Цѣпи юридическаго построенія съ его своеобразными путями, выработанными на протяженіи вѣковъ и гарантирующими наиболѣе полное и наиболѣе цѣлесообразное осуществленіе справедливости, общество противопоставляетъ свое смѣшанное, непровѣренное *ощущеніе* справедливости, именуемое непосредственнымъ убѣжденіемъ,—ощущеніе, которое можетъ служить отправнымъ пунктомъ, но отнюдь не конечнымъ моментомъ юридическаго процесса. Обществу враждебенъ не только адвокатъ. *Juristen* sind böse Christen. Оно хлещетъ своею сатирою и муміеобразнаго судью, и многотомные своды законовъ и книжника-толкователя...

Отъ этой отчужденности къ юридическому мышленію вообще остается одинъ только шагъ къ особой враждебности по отношенію къ адвокатурѣ. Когда адвокатура—вслѣдствіе особенныхъ историческихъ условій—выступала какъ политическая сила, холодность ея юридической функціи скрадывалась. Теперь существо ея обнажилось. Благодаря этому выступило съ особенною рѣзкостью въ глазахъ общества и то, что составляетъ лишь грубое, поверхностное, но тѣмъ болѣе бросающееся въ глаза,

отличіе ея отъ смежныхъ областей судебнаго творчества: адвокатъ является носителемъ личнаго интереса. Когда судья произнесетъ рѣшеніе, претящее такъ называемому общественному убѣжденію и основанное на довѣріи къ тѣмъ особымъ путямъ, которыми достигается истина на судѣ,—его сочтутъ сухимъ педантомъ, не болѣе; когда то же сдѣлаетъ адвокатъ, его назовутъ торгашемъ правосудія, продавцомъ истины: его интересъ такъ ясенъ и простъ...

Хуже всего однако то, что мы—адвокаты, юристы вообще—сами часть того же общества: въ силу тѣхъ же историческихъ условій мы сами до сихъ поръ доброю половиною торчимъ внѣ той сферы, которой призваны служить всѣмъ своимъ существомъ. Потому недовѣріе къ нашему признанію пускаетъ корни среди судебной магистратуры; потому—и это страшнѣе всего—оно заносится въ среду адвокатуры, колеблетъ собственное ея представленіе объ ея задачахъ, сѣетъ скептицизмъ по отношенію къ идейному содержанію ея общественной службы. А отсюда одинъ только шагъ къ дѣйствительному оскверненію святыни, къ пораженію истины—для этого не нужно даже острагo личнаго интереса: достаточно одной безпринципности.

Укоренить въ обществѣ и въ средѣ самой адвокатуры представленіе объ истинныхъ и особенныхъ ея задачахъ можетъ только орга-

низація, содѣйствующая общему подъему самосознанія адвокатуры, какъ цѣлаго. Только сословная организація адвокатуры можетъ уяснить и на дѣлѣ доказать и обществу и самимъ адвокатамъ, что принципы адвокатской дѣятельности достаточно высоки, чтобы ихъ не нужно было прикрывать ни инородными, случайно къ ней прилипшими возвеличеніями, ни раболѣпнымъ трепетомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, покоющимся на отрицаніи существа всего правового строя.

III.

Императоръ Николай I видѣлъ въ адвокатахъ враговъ государственнаго строя. Императрица Екатерина II называла ихъ людьми, способными одинаково „поддерживать то ложь, то справедливость, то несправедливость".

Оба застарѣлые предразсудка—и призракъ Робеспьера, и призракъ „продажнаго поразителя истины"—шли, такимъ образомъ, впереди нашей присяжной адвокатуры.

Подъ лучами освободительной эпохи растаяли многіе старые предразсудки; но въ числѣ ихъ были такіе, которые только притаились, выжидая удобнаго момента, чтобы выйти изъ своихъ норъ. Ранѣе прочихъ выглянули тѣ, которые касаются адвокатуры. Они появились въ обществѣ, на столбцахъ печати, а затѣмъ и въ правительственныхъ законопроектахъ.

Творцы судебныхъ уставовъ не дали себя ослѣпить ни временными политическими со-

ображеніями, ни ходячими воззрѣніями на адвокатскую мораль. Передъ ними рѣялъ чистый идеалъ суда, творца и насадителя права; для достиженія этого идеала они призвали себѣ въ помощъ силу, безъ которой—какъ они выражались—„рѣшительно невозможно раскрытіе истины и предоставленіе тяжущимся и обвиняемымъ полной защиты передъ судомъ“.

Творцы судебныхъ уставовъ не закрывали глазъ на опасности, такъ сказать, врожденныя адвокатурѣ, но противъ этихъ опасностей пытались создать оплотъ,—оплотъ, испытанный на примѣрѣ другихъ странъ и наиболѣе приноровленный къ своеобразнымъ особенностямъ ограждаемаго института. „Для того, чтобы это сословіе—писали тогда—представляло вѣрныя ручательства нравственности, знанія и честности убѣжденій, должно, съ самаго его учрежденія, держаться строгаго выбора лицъ на должность повѣренныхъ и установить за ними такой надзоръ, который, не лишая ихъ необходимой для защиты ихъ довѣрителей самостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, способствовалъ бы скорому и дѣйствительному огражденію частныхъ лицъ отъ стѣсненій повѣренныхъ, а съ другой—служилъ бы средствомъ къ водворенію и поддержанію между ними самими чувства правды, чести и сознанія нравственной отвѣтственности передъ правительствомъ и передъ обществомъ“.

Такую широкую, ясную и глубоко обду-

манную постановку вопроса объ адвокатурѣ вы едва-ли найдете гдѣ-либо во всей законодательной литературѣ. Центръ тяжести не въ усиленіи внѣшняго контроля, совершенно здѣсь непригоднаго, и не въ установленіи связи съ государственнымъ интересомъ, какъ таковымъ, а въ томъ, чтобы укрѣпить сознаніе общественной задачи адвокатуры и вытекающую изъ этого отвѣтственность передъ обществомъ; чтобы рядомъ съ этимъ предоставить адвокатурѣ ту независимость, которая, по мѣткому старинному опредѣленію, „не ставитъ обладателя ея выше закона, но даетъ ему возможность требовать исполненія закона“.

Двѣ эти основныя цѣли достигались, съ одной стороны, установленіемъ самой широкой автономіи сословія, съ другой—преграждeніемъ доступа въ него лицамъ, прикосновеннымъ къ администраціи. И то и другое признавалось настолько тѣсно связанными съ самою задачею правильно организованной адвокатуры, что по этому поводу не возникало никакихъ разногласій въ средѣ составителей судебныхъ уставовъ. Вопросъ о контролѣ надъ сословіемъ съ точки зрѣнія государственной не ставился вовсе. Ранѣе, во время близкое къ Николаевской эпохѣ, говорилось и у насъ объ облаченіи адвокатовъ въ чиновничьи мундиры. Въ запискѣ, представленной Государственному Совѣту, указывалось,

уже правда, что „безъ образованія сословія благонадежныхъ и какъ бы освященныхъ ручательствомъ правительства повѣреныхъ едва-ли есть возможность привести въ надлежащее исполненіе постановленія о судопроизводствѣ гражданскомъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводился устрашительный примѣръ Франціи, гдѣ адвокаты „достигли политическаго значенія, несогласнаго съ дѣйствительнымъ ихъ призваніемъ“, и потому предлагалось „присяжныхъ повѣренныхъ или стряпчихъ назначать отъ правительства изъ лицъ, имѣющихъ нужныя для того способности, свѣдѣнія и нравственныя качества, съ тѣмъ чтобы предсѣдатели судовъ имѣли право подвергать ихъ нѣкоторымъ побудительнымъ мѣрамъ и денежнымъ за поступки противные уставу гражданскаго судопроизводства взысканіямъ“.

Въ средѣ составителей уставовъ эти предположенія не нашли однако никакого отклика. Организація адвокатуры какъ сословія была краеугольнымъ камнемъ новаго построенія; вопросъ о ней былъ окончательно разрѣшенъ еще въ „Основныхъ положеніяхъ судоустройства“. Второй вопросъ—о преграждении доступа въ адвокатуру лицамъ административныхъ вѣдомствъ—былъ выдвинутъ впослѣдствіи, при детальной разработкѣ правилъ объ учрежденіяхъ; онъ былъ сразу рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, и это рѣшеніе, проходя затѣмъ черезъ разныя ступени законодательныхъ ин-

станцій, не возбудило, насколько намъ извѣстно, никакихъ сомнѣній и не вызвало ни съ чьей стороны возраженій.

Предпринятая нынѣ реформа адвокатуры на видъ оставляетъ нерушимыми оба устоя. Во вступительной рѣчи своей, произнесенной при открытіи засѣданій комиссіи, предсѣдатель ея охарактеризовалъ адвокатуру какъ „дѣятельность судебно-общественную“, указалъ на сословную автономію, какъ на единственный возможный видъ ея организаціи, назвалъ адвокатуру „неотъемлемою принадлежностью новаго судебнаго строя“, отмѣтилъ, что предпринятая реформа остается „вѣрною основнымъ началамъ и взглядамъ, которые усвоены нашимъ законодательствомъ со времени судебной реформы“. И тѣмъ не менѣе, когда читаешь отдѣльныя постановленія новаго закона, испытываешь ощущеніе, точно изъ него исчезъ прежній духъ, точно вновь смотритъ на васъ изъ-за угла призракъ Робеспьера или гонимый съ форума продажный „поразитель истины“. Это замѣтно въ цѣломъ рядѣ постановленій часто мелкихъ, отражающихъ на себѣ однако общее, не вполнѣ довѣрчивое отношеніе закона къ самостоятельности реформируемаго сословія. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Судебные уставы ввѣрили дисциплинарный судъ совѣту, а избраніе совѣта —всему сословію. Этотъ принципъ сохраненъ въ нынѣшнемъ законопроектѣ, но къ нему пристроено нѣчто

новое; установлена особая дисциплинарная отвѣтственность членовъ совѣта передъ особымъ присутствіемъ судебной палаты, съ тѣмъ что присутствію предоставлена власть даже отрѣшать члена совѣта отъ должности. Постановленіе это явно ограничиваетъ права самоуправляющагося сословія, и съ этой именно точки зрѣнія раздавались противъ него голоса въ комиссіи, избранной юридическимъ обществомъ для обсужденія законопроекта. Указывалось на то, что довѣряя совѣту сужденіе о всякихъ предосудительныхъ поступкахъ присяжныхъ повѣренныхъ, законъ могъ бы довѣрить ему судъ и надъ поступками присяжныхъ повѣренныхъ, какъ членовъ совѣта; что введеніе проектированнаго правила фактически стѣснитъ предоставленную сословію свободу выбора членовъ совѣта и повліяетъ такимъ образомъ на качественный составъ совѣта; наконецъ, что опытъ истекшаго со времени введенія адвокатуры тридцатилѣтія не оправдываетъ необходимости этого ограниченія съ какой бы то ни было точки зрѣнія.

Возраженія эти не оставили слѣда въ напечатанныхъ трудахъ комиссіи, ибо по усвоенной комиссіей системѣ въ журналъ включалось только мнѣніе большинства. Большинство же въ данномъ случаѣ отнеслось съ опасеніемъ къ мысли объ устраненіи одного изъ видовъ отвѣтственности адвокатуры,—опасеніемъ, внушеннымъ заботами объ интересахъ самой адво-

катуры: *ей-молъ* не слѣдуетъ избѣгать какого бы то ни было изъ предлагаемыхъ ей видовъ контроля. Нужно-ли доказывать, что эта осторожность только рѣзче оттѣняетъ характеръ самаго ограниченія? Отчего именно адвокатура должна не избѣгать того, чего можно и должно избѣгать, послѣдовательно проводя принципъ, всѣми раздѣляемый и правильный въ существѣ? Да оттого, что она въ подозрѣніи...

Такъ или иначе, но комиссія рѣшила не уходить въ глубь вопроса, взять за исходную точку разсужденія самого проекта о необходимости десциплинарнаго контроля за членами совѣта на одинаковыхъ основаніяхъ съ членами окружныхъ судовъ и соотвѣтственно съ этимъ отмѣтить лишь допущенную проектомъ непослѣдовательность. Дисциплинарная отвѣтственность членовъ суда, изъ которой исходитъ проектъ, ограничивается, по учрежд. суд. уст., проступками, за которыя слѣдуетъ предостереженіе. Между тѣмъ для членовъ совѣта предполагаются дисциплинарныя кары вплоть до устраненія отъ должности. Усматривая въ этомъ отсутствіе обѣщаннаго равенства членовъ совѣта съ членами окружныхъ судовъ, комиссія ограничилась указаніемъ на необходимость оставленія для членовъ совѣта дисциплинарной отвѣтственности лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она установлена для членовъ окружныхъ судовъ.

Комиссія не могла отнестись съ тѣмъ же

спокойствіемъ къ другому нововведенію, окрашенному тою же тенденціею: къ предоставленію прокуратурѣ болѣе широкаго участія въ рѣшеніи вопроса о допущеніи тѣхъ или иныхъ лицъ въ сословіе. Здѣсь компромиссъ казался невозможнымъ. Если установленіе дисциплинарной отвѣтственности членовъ совѣта могло повлечь за собою—и то лишь косвеннымъ образомъ—качественное измѣненіе состава совѣта, то расширеніе правъ прокуратуры въ вопросѣ о принятіи въ сословіе обозначало бы измѣненіе качественнаго состава самого сословія, и что еще важнѣе—упраздненіе основной функціи выборнаго сословнаго органа.

Совѣту присяжныхъ повѣренныхъ по закону предоставлено право принимать или отказывать просителямъ по соображеніямъ неформальнаго свойства, не подлежащимъ критикѣ и провѣркѣ съ чьей бы то ни было стороны. Новый законъ оставляетъ совѣту своеобразное право—отказывать, но не даетъ ему права безконтрольно принимать въ сословіе. Эта функція передается въ руки высшей инстанціи, гораздо менѣе чѣмъ совѣтъ приспособленной къ ея исполненію, и тѣмъ менѣе приспособленной къ критикѣ того, что уже исполнено совѣтомъ.

Уже при начертаніи правилъ о присяжныхъ повѣренныхъ въ 1861 г. Государственный Совѣтъ указывалъ, что члены высшей, контролирующей совѣтъ инстанціи „не имѣютъ никакихъ данныхъ, по которымъ бы они могли

знать представляемаго въ присяжные повѣренные кандидата лучше, чѣмъ совѣтъ самихъ повѣренныхъ, которому безъ сомнѣнія ближе всего извѣстны и нравственныя качества, и познанія избраннаго ими лица". Такія же соображенія высказывались и нынѣ во II отдѣлѣ и въ общемъ собраніи Высочайше учрежденной комиссіи по пересмотру судебной части,—но это были соображенія меньшинства.

Соглашаясь во всемъ съ этими соображеніями меньшинства, комиссія юридическаго общества сочла нужнымъ отмѣтить еще особенное несоотвѣтствіе предлагаемаго правила съ мотивами, приводимыми въ его оправданіе. Мотивы указываютъ, что хотя совѣтъ имѣетъ право рѣшать вопросъ о нравственныхъ качествахъ просителя по внутреннему убѣжденію, безконтрольному, а слѣдовательно безапелляціонному, — однако онъ „можетъ впасть въ ошибку при оцѣнкѣ формальныхъ правъ лица, желающаго поступить въ сословіе, и ошибка эта можетъ обратиться во вредъ „интересамъ общегосударственнымъ". Но очевидно, что если дѣло касается формальныхъ основаній для отказа, то достаточно было допустить протестъ прокурора въ случаѣ нарушенія постановленіями совѣта именно формальныхъ требованій закона—противъ предоставленія такого права прокурору никто и не возражалъ: имъ не колеблются основы самоуправленія. Вся острота вопроса въ томъ и состоитъ, что прокурору

предоставлено право протестовать противъ постановленій о принятіи вообще, по всякимъ соображеніямъ—не только формальнымъ. Не стоитъ-ли за этимъ правиломъ тѣнь Робеспьера?

Не допуская въ сословіе лицъ, которыхъ совѣтъ, по соображеніямъ о нравственномъ ихъ достоинствѣ, счелъ возможнымъ принять, проектъ съ другой стороны вводитъ въ сословіе цѣлую категорію такихъ лицъ, которыя до сихъ поръ не были въ немъ терпимы. Это—чины административныхъ вѣдомствъ, „обязанности коихъ,—какъ гласитъ проектъ—состоятъ въ веденіи и защитѣ въ судахъ дѣлъ, сопряженныхъ съ интересами означенныхъ вѣдомствъ“. Мотивы оправдываютъ это нововведеніе тѣмъ, что „служебная дѣятельность ихъ (чиновъ административныхъ вѣдомствъ) весьма близко подходитъ къ дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ и въ достаточной степени можетъ ознакомить ихъ съ судебною практикою“. Но эти мотивы, очевидно—такъ же, какъ и въ предъидущемъ случаѣ, — не отвѣчаютъ вовсе на поставленный вопросъ.

Не въ огражденіе сословія отъ лицъ, незнакомыхъ съ судебною практикою, лицамъ административныхъ вѣдомствъ закрывался доступъ въ адвокатуру, а въ интересахъ охраненія адвокатской дѣятельности отъ вліянія чуждыхъ ей, какъ и вообще всей судебной сферѣ, административныхъ воззрѣній и вліяній.

Если признать возможнымъ ввести въ составъ адвокатуры административнаго чиновника только потому, что онъ знакомъ съ судебною практикою, то съ неменьшимъ правомъ можно ввести въ составъ судей весьма опытнаго въ судебныхъ дѣлахъ прокурора. Меньшинство II отдѣла и общаго собранія комиссіи указывало на то, что отъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, какъ подчиненныхъ различнымъ начальствамъ, нельзя ждать той независимости, которая признается необходимою для присяжнаго повѣреннаго"; но въ сужденіяхъ большинства никакого отвѣта на это основное возраженіе не содержится. О независимости адвокатуры въ проектѣ вообще не говорится.

Комиссія юридическаго общества присоединилась къ мнѣнію меньшинства II отдѣла и указала въ соображеніяхъ своихъ какъ на грозящій институту присяжныхъ повѣренныхъ подрывъ его независимости, такъ и на отсутствіе какихъ-либо иныхъ основаній для введенія предлагаемой мѣры.

Расколъ въ комиссіи—такъ же какъ и въ обѣихъ правительственныхъ коллегіяхъ—вызванъ былъ вопросомъ частнымъ, не имѣющимъ особаго значенія съ точки зрѣнія общихъ проблемъ адвокатуры,—вопросомъ о томъ: допускать ли къ занятію адвокатурою профессоровъ-юристовъ. Профессоръ состоитъ на службѣ, онъ также чиновникъ административнаго вѣдомства, и если запрещается поступленіе въ адвокатуру чинов-

никамъ воообще, то послѣдовательно надлежало бы закрыть въ него доступъ и профессорамъ. Но при всей послѣдовательности этого разсужденія, вы неохотно ему подчиняетесь: чувствуется, что тутъ, при полнотѣ внѣшней аналогіи, есть, однако, разница въ существѣ. Наука не есть установленіе государственное, а профессоръ есть прежде всего слуга науки и лишь немногимъ болѣе всякаго свободнаго гражданина Имперіи—слуга государства. Россія никогда не имѣла офиціальныхъ штатсъ-философовъ и штатсъ-гелертеровъ, а если были у насъ суррогаты этой породы, то они набирались чаще всего изъ добровольцевъ и не стояли ни въ какой обязательной связи съ профессорской каѳедрой, съ „службою по учебному вѣдомству“: офиціальное причисленіе къ вѣдомству никогда не налагало на русскихъ ученыхъ клейма внутренней зависимости отъ видовъ начальства. Съ другой стороны польза отъ введенія научнаго элемента въ ряды нашей адвокатуры, страдающей вообще слабымъ развитіемъ теоретическихъ знаній, несомнѣнна. Можно-ли при такихъ условіяхъ преграждать доступъ въ сословіе профессору только потому, что онъ получаетъ жалованье изъ государственнаго казначейства?

Вопросъ о вліяніи профессорскаго элемента на адвокатуру возбуждался — по нѣсколько иному поводу—и при составленіи судебныхъ уставовъ. Я не могу отказать себѣ въ удоволь-

ствіи привести по этому поводу нѣсколько строкъ, которыми заканчивается горячая филиппика, составленная большинствомъ комиссіи 1861 года въ защиту научнаго элемента въ судебномъ творчествѣ вообще и въ творчествѣ адвокатуры въ особенности. „Этотъ элементъ -- писали тогда — нуженъ для сословія, чтобы навсегда оживить его и облагородить связью съ наукою и ея представителями; чтобы новый процессъ не принялъ рутиннаго, механическаго направленія, но былъ постоянно освящаемъ свѣтомъ науки; чтобъ теорія и практика шли и развивались рука объ руку; чтобъ ни въ той, ни въ другой не было ни одностороннихъ заблужденій, ни фальшивыхъ увлеченій; чтобъ создалась наконецъ дѣйствительно правильная юридическая жизнь, достойная великаго государства“.

Кромѣ реформъ, о которыхъ рѣчь шла до сихъ поръ, предполагались еще двѣ реформы, въ томъ же направленіи: одна имѣла въ виду недопущеніе въ сословіе лицъ, состоящихъ подъ гласнымъ полицейскимъ надзоромъ, другая была направлена къ изъятію одной отрасли дисциплинарныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія совѣта. Оба эти предложенія отклонены большинствомъ голосовъ въ обѣихъ правительственныхъ коллегіяхъ, но на одномъ изъ нихъ — на послѣднемъ—я вынужденъ остановиться, такъ какъ оно было поддерживаемо и въ комиссіи юридическаго общества. Группу дѣлъ, которую пред-

положено было изъять изъ вѣдѣнія совѣта, принято называть на техническомъ языкѣ délits d'audience—нарушеніе благопристойности, допущенное адвокатомъ во время судебнаго засѣданія. Эта группа выдѣлилась изъ общаго дисциплинарнаго кодекса во Франціи, въ самыя тяжелыя для французской адвокатуры времена, когда разгромъ революціи смѣнился эпохою наполеоновскихъ укротительныхъ законовъ. Тогда то всплылъ вопросъ о цѣлесообразности предоставленія суда надъ адвокатомъ, совершившимъ проступокъ въ судебномъ засѣданіи, той самой коллегіи, по отношенію къ которой проступокъ совершенъ. Рѣчь шла не объ общей дискреціонной власти предсѣдателя суда, которая, конечно, распространяется и на адвоката, и не объ общей уголовной отвѣтственности, если адвокатомъ допущена грубая вина; нѣтъ, рѣчь шла именно о правѣ дисциплинарнаго суда,—о предоставленіи мстительному чувству оскорбленной коллегіи права произнести тотъ приговоръ, который въ обычныхъ условіяхъ входитъ въ сферу компетенціи совѣта. Необходимость установленія у насъ такого порядка поддерживалась однимъ изъ членовъ нашей комиссіи,—съ тѣмъ однако измѣненіемъ, что сужденіе о проступкѣ присяжнаго повѣреннаго, совершенномъ во время засѣданія, должно было быть предоставлено не той коллегіи, въ присутствіи которой проступокъ совершенъ, а особому судебному органу—присутствію судеб-

ной палаты. Какъ главное для этого основаніе, указывалось на то, что при нынѣшнемъ порядкѣ вещей судебныя коллегіи вынуждены въ большинствѣ случаевъ оставлять совершенно безнаказанными самыя рѣзкія нарушенія благопристойности со стороны присяжныхъ повѣренныхъ: онѣ предпочитаютъ этотъ исходъ передачѣ дѣла на размотрѣніе совѣта, которому онѣ, судебныя коллегіи, не вполнѣ довѣряютъ. „Допуская даже — говорилось въ замѣчаніяхъ представленныхъ по этому поводу комиссіи — что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ будетъ состоять изъ лицъ, желающихъ быть безпристрастными, всетаки нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что постановленія даже такого совѣта были бы вполнѣ правильны, ибо совѣтъ не вправѣ входить въ критическую оцѣнку дѣятельности самой судебной коллегіи или ея предсѣдателя, а между тѣмъ онъ нерѣдко бываетъ вынужденъ прибѣгнуть къ этому для правильной оцѣнки дѣйствій привлеченнаго къ отвѣтственности“.

Комиссія юридическаго общества не усматривала однако основаній оказывать недовѣріе совѣту даже тогда, когда для выясненія вопроса о винѣ присяжнаго повѣреннаго, ему пришлось бы входить въ критическую оцѣнку дѣйствій чиновъ судебнаго вѣдомства. Такая критическая оцѣнка дѣйствій лицъ разныхъ вѣдомствъ не разъ требуется при обсужденіи совѣтомъ дѣйствій присяжныхъ повѣренныхъ,

и лишить совѣтъ права входить въ такую оцѣнку, значило бы лишить его вовсе возможности отправлять дисциплинарную функцію.

Оцѣнка дѣйствій лицъ судебнаго вѣдомства со стороны совѣта можетъ вѣдь требоваться наконецъ и въ другихъ случаяхъ—въ случаяхъ столкновеній присяжныхъ повѣренныхъ съ чинами судебнаго вѣдомства внѣ судебнаго засѣданія. А для этихъ случаевъ совѣтъ безспорно остается компетентнымъ учрежденіемъ. Для чего же, спрашивается, окружать особымъ попеченіемъ членовъ судебнаго вѣдомства въ одномъ случаѣ, когда они не ограждаются въ другихъ?

Отдѣленный отъ права самой судебной коллегіи вымѣщать свой гнѣвъ на провинившемся адвокатѣ, вопросъ о délits d'audience лишается всякаго, даже психологическаго, обоснованія. Во всякомъ случаѣ—въ томъ ли видѣ какъ предполагалось у насъ, или въ томъ видѣ какъ оно существуетъ во Франціи,—правило о délits d'audience направлено къ урѣзанію автономіи сословнаго суда. По этому одному уже слѣдуетъ признать, что каковы бы ни были частныя выгоды отъ предлагаемаго рѣшенія, — онѣ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія.

Есть принципы, одно колебаніе которыхъ приноситъ вредъ,—хотя бы вредъ этотъ и не поддавался заранѣе правильному математическому учету.

IV.

Проектъ содержитъ много детальныхъ постановленій объ адвокатскомъ гонорарѣ. Тутъ и такса, нѣсколько уменьшенная противъ нынѣшней, и обязательный письменный договоръ о гонорарѣ, и право совѣта измѣнять условія о гонорарѣ сообразно съ талантомъ и знаніями адвоката. Вся эта нормировка не представляетъ въ общемъ сколько-нибудь значительнаго интереса, но есть въ ней одна частность, заслуживающая вниманія: она какъ бы разомъ озаряетъ весь пройденный нами путь.

Проектъ принимаетъ, какъ общее правило, что гонораръ адвоката можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ успѣха его ходатайства; изъ этого правила сдѣлано одно исключеніе— для дѣлъ уголовныхъ. Вотъ какъ проектъ объясняетъ это изъятіе:

„Подобныя условія (о вознагражденіи въ зависимости отъ успѣха), не заключая въ себѣ ничего предосудительнаго въ примѣненіи къ дѣламъ гражданскимъ, совершенно неумѣстны относительно дѣлъ уголовныхъ, по коимъ задача защитника заключается не въ обѣленіи преступника или въ перенесеніи отвѣтственности съ дѣйствительнаго виновника на лицо неповинное, но въ содѣйствіи суду въ раскрытіи истины. Очевидно, что допускать въ сихъ послѣднихъ дѣлахъ соглашенія, ставящія размѣръ вознагражденія въ зависимость отъ того

или иного исхода дѣла,—значитъ допускать недостойный торгъ правосудіемъ".

Когда вы, пробѣгая страницы проекта,—рядомъ съ общимъ, такъ сказать теоретическимъ, признаніемъ адвокатуры, наталкиваетесь на цѣлый рядъ мелкихъ ограничительныхъ постановленій, то не можете отдѣлаться отъ досаднаго чувства какой то неясности, непониманія, въ чемъ тутъ дѣло: чѣмъ погрѣшила наша адвокатура? за что ее донимаютъ этими мелкими уколами?

Въ вводной рѣчи предсѣдателя комиссіи—въ ней одной только имѣются общія соображенія о задачахъ адвокатуры—говорится глухо, что „при столкновеніяхъ съ практическою дѣятельностью выяснились слабыя и больныя мѣста учрежденія, и нельзя не признать, что въ судьбахъ его многое не оправдало надеждъ и ожиданій законодателя". Указанный тутъ же рядъ мѣръ, принятыхъ по отношенію къ адвокатурѣ за 30 лѣтъ ея существованія, также не способствуетъ нисколько выясненію вопроса. Этихъ мѣръ всего было три: учрежденіе временнаго института частныхъ повѣренныхъ, ограниченіе доступа въ адвокатуру евреямъ и пріостановленіе открытія совѣтовъ. Но первая мѣра указываетъ не на какой-либо дефектъ самой адвокатуры, а на недостаточную ея численность для удовлетворенія всѣхъ нуждъ; вопросъ объ евреяхъ въ адвокатурѣ есть вопросъ объ евреяхъ, а не объ адвокатурѣ; третья

3 меры

мѣра доказываетъ только отрицательное къ адвокатурѣ отношеніе, но не раскрываетъ его причинъ.

Первый и единственный лучъ въ эту темную область падаетъ отъ процитированнаго мною мѣста по поводу адвокатскаго гонорара.

Въ гражданскихъ дѣлахъ дозволено обусловливать гонораръ успѣхомъ, въ уголовныхъ не дозволено, — потому что здѣсь, въ уголовныхъ дѣлахъ, задача адвоката не заключается въ обѣлоніи виновнаго и въ очерненіи невиннаго. Слѣдуетъ-ли отсюда, что въ дѣлахъ гражданскихъ *въ этомъ* именно состоитъ задача защитника? Не дозволено, говорится далѣе, потому что въ дѣлахъ уголовныхъ задача защитника—содѣйствіе суду въ раскрытіи истины. Какой истины? Не той, которая достигается путемъ противопоставленія защиты и нападенія, которая объективируется только въ процессѣ судейскаго сужденія, которой объективно до того вовсе не существовало,—а какой-то иной истины, напередъ данной,—напередъ ему, именно ему, защитнику, по непосредственному его ощущенію, доступной...

Когда творцы судебныхъ уставовъ говорили объ адвокатахъ, какъ о пособникахъ суда въ раскрытіи истины, то они не представляли себѣ, что это будутъ лазутчики, подслушивающіе голосъ совѣсти своего подсудимаго, доводящіе о немъ до свѣдѣнія суда и этимъ путемъ „раскрывающіе истину“; они и не пола-

гали, что это будутъ посторонніе совѣстные зрители, нѣчто вродѣ четвертыхъ-пятыхъ судей, произносящіе въ помощь суду свое безстрастное сужденіе о выслушанномъ дѣлѣ. Ихъ не интересовалъ даже вопросъ о томъ, что истина вообще достигается лучше путемъ борьбы двухъ другъ на друга наступающихъ интересовъ: для осуществленія *этой* задачи не нужно образованныхъ юристовъ — достаточны два умныхъ и опытныхъ въ словесныхъ состязаніяхъ человѣка. Творцы судебныхъ уставовъ интересовались инымъ. Они полагали, что устрояютъ юридическій бытъ страны, что когда существуютъ въ обществѣ законныя нормы, сдерживающія и охраняющія его, то необходимо, чтобы онѣ проявляли свою силу въ каждомъ конкретномъ отношеніи. Раскрытіе истины — въ гражданскомъ - ли процессѣ или уголовномъ—только для того и требуется, чтобы факты могли быть освѣщаемы со стороны ихъ связи съ юридическими нормами. Только потому оно становится дѣломъ суда, адвокатовъ; иначе—повторяю—для чего тутъ были бы образованные юристы?

Противопоставляя роль адвокатовъ въ гражданскомъ и въ уголовномъ судѣ, проектъ какъ будто бы освобождаетъ ихъ отъ всякой отвѣтственности за обѣленіе виновныхъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Центръ тяжести, однако, не въ этомъ противопоставленіи, а въ томъ, что въ уголовныхъ дѣлахъ они дѣйствительно „обѣля-

ютъ“ виновныхъ,—и притомъ обѣляютъ за деньги, учиняютъ „торгъ правосудіемъ“. Они есть именно тѣ самые люди, о которыхъ говорила Екатерина Великая: они могутъ „поддерживать то ложь, то справедливость, то несправедливость“,—„продажные рты, поражающіе истину“.

Когда наша адвокатура выступила на общественное поприще,—ее привѣтствовалъ восторженно судъ, привѣтствовало еще болѣе восторженно общество.

Въ введеніи судебныхъ уставовъ, и особенно въ реформѣ уголовнаго процесса, видѣли первый шагъ къ освобожденію личности отъ гнета полицейскаго государства. Государственная власть становилась стороною; ея споръ съ подсудимымъ долженъ былъ рѣшить судъ. Подсудимаго представляетъ защитникъ. Онъ и явился въ глазахъ общества, и еще болѣе въ своихъ собственныхъ глазахъ, присяжнымъ носителемъ того великаго начала, которымъ проникнуты уставы. Эта его роль особенно подчеркивалась тѣмъ, что и судъ, и прокуратура—въ сущности также, какъ и онъ, призванные ограждать личность, какъ таковую, и управомоченные касаться ея лишь въ предѣлахъ нарушеннаго права—не сразу сжились съ новымъ порядкомъ вещей и часто возвращали мысль къ прежнимъ временамъ безпредѣльнаго властвованія государства надъ личностью подсудимаго. Къ этому присоединились частые политическіе процессы; адвокаты въ

нихъ исполняли только свою адвокатскую роль, но общество—въ извинительномъ заблужденіи юношескаго порыва—желало въ нихъ видѣть нѣчто иное.

Жизнь затѣмъ вошла въ будничную колею. Рядомъ съ величественными преступниками явились ничтожные: мелкія мошенничества, четвертыя и пятыя кражи,—защитнику приходилось выгораживать уже не всю личность подсудимаго, а частицу его: неправильное примѣненіе наказанія, нагроможденіе на виновнаго излишней вины. Явились, наконецъ, случаи, гдѣ общество кричало: воръ, преступникъ,—а адвокатъ все таки защищалъ. Словомъ, явилась та сѣрая, повседневная работа, идущая вдали отъ большой дороги общественныхъ или политическихъ теченій,—ограждающая право, гдѣ бы оно ни было нарушено, въ маломъ и великомъ, посредствомъ незамѣтнаго и упорнаго труда,—вырывающая жертву столько же изъ рукъ прокурора, сколько изъ рукъ ослѣпленнаго страстью общества,—работа, руководимая однимъ только сознаніемъ святости права. И обществу показалось, что адвокаты перестали исполнять свою миссію. Сатира стала бичевать. Даже величайшій изъ сатириковъ понялъ только истинныя причины разлада, но не могъ указать цѣлительнаго средства: не уразумѣлъ истиннаго, общественнаго значенія адвокатуры. Онъ корилъ общество за преувеличенныя надежды, корилъ адвокатовъ за самообманъ, за

то, что они, не понявъ ограниченности своей функціи, сочли себя солью земли, безкорыстными—болѣе безкорыстными, чѣмъ другіе—ратоборцами истины и свѣта, общественными дѣятелями въ томъ широкомъ смыслѣ, который, по условіямъ нашей жизни, примѣнялся до сихъ поръ только къ представителямъ литературы и печати. „Адвокатура наша—писалъ Салтыковъ—по началу довольно горячо заявила о своей солидарности съ вопросами жизни, и потому весьма естественно встрѣтила со стороны либеральной прессы самое горячее сочувствіе. Но, симпатизируя защитнику вдовы и сироты, литература, какъ старшая сестра въ либерализмѣ, до того простерла свое усердіе, что, подвергая дѣйствія адвокатовъ неусыпному контролю, заявила претензію держать это сословіе въ постоянной опекѣ. Начались обличенія, взысканія, выговоры, почти угрозы. Такое отношеніе литературы едва-ли можетъ быть названо правильнымъ. Франція — классическая страна адвокатуры, представители которой со времени первой революціи играли въ ея исторіи очень значительную политическую роль, но и тамъ объ адвокатахъ, какъ объ адвокатахъ, въ литературѣ нѣтъ и рѣчи. Едва-ли можно указать на примѣръ, чтобы въ послѣднее время въ какомъ бы то ни было французскомъ органѣ печати было заявлено кому-либо изъ адвокатовъ, что онъ поступаетъ недостойно, защи-

щая французскихъ Овсянниковыхъ и Мясниковыхъ". У насъ ремесленное значеніе адвокатуры, по настоящему, должно бы высказаться еще рѣзче, потому что наши адвокаты уже окончательно не имѣютъ никакого отношенія къ политической жизни государства. Почему никому не приходило въ голову обвинять въ недостоинствѣ башмачника, который шьетъ матери Митрофаніи башмаки, или портного, который одѣваетъ Овсянникова"?

Другіе были болѣе поверхностны, они врѣзались остріемъ своей критики въ самую функцію, ихъ поражалъ кажущійся индиферентизмъ ея къ вопросамъ морали: обѣленіе того, что имъ, по ихъ нравственному чутью, казалось чернымъ, очерненіе того, что имъ казалось бѣлымъ. Они объявили ее дѣятельностью, подкапывающеюся подъ самыя основы общественнаго строя. Какъ бы мстя за свое незрѣлое увлеченіе мнимыми героями, общество изливало свое злобное чувство въ потокахъ жестокихъ и незаслуженныхъ укоризнъ: „веденіе неправыхъ дѣлъ", „прелюбодѣи мысли", „софисты нашего вѣка"...

Прибавьте къ этому, что во всякомъ искусствѣ таланты вознаграждаются неравномѣрно. Иной живописецъ беретъ за картину десятки тысячъ, другой пишетъ вывѣски и получаетъ плату по количеству аршинъ. Адвокатура есть тоже вольнонаемное искусство. Среди многочисленныхъ его служителей громадное большинство, правда, еле пробивается

и, потрудившись весь вѣкъ, умираетъ почти-что въ нищетѣ. Но и здѣсь, какъ вездѣ, видно только то, что на поверхности: общество, падкое на сильныя выраженія, заговорило объ „адвокатскихъ кушахъ“ и—что всего страшнѣе—о „торгѣ правосудіемъ“.

Случилось, такимъ образомъ, нѣчто совершенно необыкновенное. Общество вознесло адвокатуру на пьедесталъ и затѣмъ низринуло ее въ пропасть. А теперь самой адвокатурѣ ставится въ счетъ и то, что она стояла на бутафорскомъ пьедесталѣ, и тотъ мнимый грѣхъ, за который она разочарованнымъ обществомъ повергнута въ пропасть.

Позади, въ полутуманѣ—Робеспьеръ, впереди—продавецъ истины. Мы вернулись не только къ Николаю I, но и къ Екатеринѣ II.

Такъ-то связываются разсужденія о гонорарномъ вопросѣ съ вопросами объ автономіи и независимости адвокатуры.

V.

Когда такъ много сказано о „сословіи“ адвокатовъ, то надо, наконецъ, опредѣлить, что значитъ здѣсь сословіе? Наслѣдственная-ли это каста, средневѣковый цехъ, или замкнутый кругъ опредѣленнаго числа безсмертныхъ? Ни то, ни другое, ни третье. Оно не связываетъ никого на всю жизнь, какъ каста, оно не

захватываетъ всего человѣка, какъ средневѣковый цехъ, оно открываетъ доступъ всякому, кто соотвѣтствуетъ установленнымъ, заранѣе опредѣленнымъ условіямъ. Оно — свободный, неограниченный относительно числа, — союзъ лицъ, связанныхъ одною общею цѣлью,—союзъ, направленный къ тому, чтобы лучше обезпечить достиженіе этой цѣли,—ставящій себя, именно какъ носителя этой цѣли, подъ общественный контроль. Средневѣковый человѣкъ не существовалъ внѣ союза; примыкая къ нему извѣстною функціею, онъ, однако, весь уходилъ подъ его власть, черезъ него только былъ связанъ съ остальнымъ обществомъ. Адвокаты связаны между собою только въ качествѣ адвокатовъ.

Доступъ въ сословіе, какъ сказано, открытъ всѣмъ. Ни одна адвокатура, организованная на истинно-сословныхъ началахъ, въ томъ числѣ и наша, не домогалась никогда монополизированія профессіи въ пользу опредѣленнаго числа избранниковъ. Такія вожделѣнія, окрещенныя техническимъ названіемъ „numerus clausus“, высказывались, насколько намъ извѣстно, одною лишь адвокатурою Германіи, сильно еще отдающей традиціями эпохи Фридриха Великаго.

У насъ—да и вездѣ—рѣчь шла и идетъ не о монополіи замкнутаго круга лицъ, а о монополіи профессіи,—монополіи такой, какъ монополія лекаря или фармацевта, т. е. объ обязанности лицъ, занимающихся данной профес-

сіей, удовлетворять извѣстнымъ законнымъ требованіямъ.

У насъ пока еще эта обязанность, по отношенію къ судебнымъ повѣреннымъ, не абсолютна. Законодатель справедливо считался и считается съ недостаточностью наличнаго числа присяжныхъ повѣренныхъ для удовлетворенія всѣхъ нуждъ населенія. Пока это число не будетъ признано достаточнымъ, пока не будетъ „комплекта", какъ у насъ принято выражаться, до тѣхъ поръ, по предположенію судебныхъ уставовъ, тяжущимся должна быть предоставлена полнѣйшая свобода выбора повѣреннаго. Законъ 1874 г. о частныхъ повѣренныхъ стѣснилъ эту свободу, обязывая выбирать повѣреннаго именно изъ состава создаваемой имъ новой категоріи субъ-адвокатовъ, но обязательной присяжной адвокатуры и онъ не ввелъ.

Обязательной присяжной адвокатуры не вводитъ и нынѣшній проектъ, и вопросъ о комплектѣ въ этомъ смыслѣ никакихъ сомнѣній не возбуждаетъ. Проектъ дѣлаетъ только попытку установить норму самой „достаточности" присяжныхъ повѣренныхъ, и эту-то попытку комиссія юридическаго общества не могла признать удачной. По соображеніямъ и выкладкамъ, подробно изложеннымъ въ журналѣ,— здѣсь повторять ихъ было бы слишкомъ утомительно—комиссія пришла къ заключенію, что единаго мѣрила достаточности для всѣхъ округовъ Имперіи изобрѣсти невозможно, что во

всякомъ случаѣ этимъ мѣриломъ не можетъ быть удвоенное число судей, какъ то предполагаетъ сдѣлать проектъ, и что слѣдуетъ для каждаго отдѣльнаго округа, по истребованіи соотвѣтственныхъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ судебныхъ палатъ, установить достаточное число присяжныхъ повѣренныхъ, сообразно съ численностью населенія, съ его состоятельностью и привычками, съ разстояніемъ мѣстности и прочими условіями, распредѣляющимися по разнымъ округамъ крайне неравномѣрно.

Гораздо болѣе спорнымъ представлялся другой вопросъ—тоже объ обязательности, но не того или иного вида адвокатуры, а объ обязательности судебнаго представительства вообще, о такъ назыв. Advocatenzwang'ѣ,—о томъ, слѣдуетъ-ли предоставить самимъ тяжущимся по дѣламъ гражданскимъ право вести лично свои дѣла. Вопросъ этотъ, казалось бы, представляется для нашихъ условій нѣсколько теоретичнымъ: ибо гдѣ нѣтъ достаточнаго числа патентованныхъ повѣренныхъ, не можетъ быть рѣчи о немедленномъ введеніи обязательной адвокатуры. Но законы пишутся не на часъ, и потому вполнѣ понятно, что этотъ вопросъ выдвигается на очередь при всякой кодификаціи законовъ о повѣренныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ разрѣшается именно въ смыслѣ обязательности адвокатуры законами тѣхъ странъ, откуда организація адвокатуры въ значительной степени заимствована. Со-

ставители судебныхъ уставовъ долго дебатировали этотъ вопросъ и въ концѣ концовъ отвергли обязательность адвокатуры; составители нашего законопроекта вовсе не дебатировали его и тоже отвергли обязательность. Въ комиссіи юридическаго общества вопросъ объ обязательности адвокатуры былъ поднятъ,—поднятъ, считаю нужнымъ добавить, представителемъ судебной магистратуры,—и хотя въ окончательномъ выводѣ по большинству голосовъ рѣшенъ тоже отрицательно, однако результатомъ его обсужденія явилась поправка, заслуживающая, какъ намъ казалось, серьезнаго вниманія.

Въ защиту обязательной адвокатуры приводилось у насъ указаніе на положенное въ основу гражданскаго процесса состязательное начало, согласно которому судъ не вправѣ самъ опекать сторону во время процесса,—и на нѣвѣжество нашихъ тяжущихся, которымъ не подъ силу лично выдерживать борьбу съ патентованными противниками. Комиссія юридическаго общества не могла однако убѣдиться этими доводами, не только потому, что они ведутъ къ насильственной опекѣ надъ гражданами,—опекѣ, отдающей нѣсколько воспоминаніями о полицейскомъ государствѣ,—но и потому, что основное предположеніе—о невѣжественности тяжущихся—не имѣетъ значенія абсолютнаго. Иные тяжущіеся опытнѣе и ученѣе адвокатовъ, и нѣтъ никакихъ основаній лишать ихъ права веденія

своихъ дѣлъ только потому, что большинство нашихъ тяжущихся грѣшитъ невѣжествомъ. Судебная практика обнаруживаетъ несомнѣнно прискорбные случаи, когда судъ, связанный состязательнымъ началомъ, вынужденъ безстрастно взирать на утрату тяжущимся самыхъ безспорныхъ правъ, только по винѣ его собственнаго невѣжества. Но для такихъ случаевъ слѣдовало бы, не ломая общаго строя учрежденія, сосредоточить все свое вниманіе только на устраненіи особенныхъ условій, вызывающихъ исключительные случаи. Для этого достаточно предоставить предсѣдателю суда право, когда обнаружится крайне неумѣлая со стороны тяжущагося защита его интересовъ, обратить на это его вниманіе,—предоставить ему возможность замѣстить себя повѣреннымъ, отложивъ для этого разборъ дѣла. Ущербъ принципу состязательности будетъ здѣсь настолько не великъ, что серьезно о немъ и говорить невозможно.

Во всякомъ случаѣ идти дальше въ этомъ направленіи—перемѣстить центръ тяжести отъ принципа состязательности въ сторону обязательной адвокатуры, значило бы приносить слишкомъ большую жертву случайнымъ интересамъ.

VI.

Намъ остается заглянуть въ уголокъ законопроекта, посвященный юнымъ представите-

лямъ сословія—уголокъ самый дѣвственный, вовсе нетронутый еще прикосновеніемъ жизни. Я обойду всѣ детали спора между защитниками такъ называемаго личнаго патріоната, т. е. „помощничества“ въ строгомъ смыслѣ, и патроната сословнаго, т. е. системы, при которой для кандидатовъ въ адвокатуру организуюся самимъ сословіемъ практисескія занятія, освобождающія ихъ отъ отыскиванія себѣ патрона и отъ служенія ему въ качествѣ подмастерьевъ. Споры эти всѣмъ извѣстны—они происходили въ самой комиссіи юридическаго общества и отразились въ печатномъ трудѣ ея, они проникли и на столбцы печати. Мнѣ хотѣлось бы только освѣтить вопросъ съ одной стороны,—съ точки зрѣнія пережитаго нами тридцатилѣтняго опыта. Иные толкователи находятъ, что организуемое проектомъ „помощничество“ есть только повтореніе стараго, испытаннаго,—и по одному тому уже заслуживаетъ предпочтенія передъ нашими новшествами. Мы думаемъ, что здѣсь кроется глубокое недоразумѣніе.

Помощники присяжныхъ повѣренныхъ выросли у насъ сами собою. Потребность въ адвокатахъ, переполненіе судебнаго вѣдомства, привлекательность самой профессіи—все это тянуло толпы юношества въ сословіе. Они шли туда прямо съ университетской скамьи—шли не для того, чтобы „помогать“, а чтобы добиться доступа въ профессію тѣмъ един-

ственнымъ способомъ, который всѣмъ доступенъ. Да и какъ помогать, когда некому, когда нѣтъ нуждающихся въ помощи? Эта молодежь охотно направилась бы и на судебную службу, отбывать тамъ свой новиціатъ, но тамъ переполнено; и безъ того каждое субъсекретарское мѣсто осаждается роемъ кандидатовъ, отбывающихъ свой стажъ. Она и примостилась формально къ 354 ст. учр. уст. суд., которая гласитъ, что въ присяжные повѣренные принимаются лица, занимавшіяся въ теченіе 5 лѣтъ практикою у присяжнаго повѣреннаго.

Примѣнялась-ли эта статья на дѣлѣ? Наши противники ссылаются именно на нее, какъ на доказательство того, что система у насъ испытана.

Послушаемъ, что говоритъ объ этомъ достовѣрнѣйшій свидѣтель—тотъ, кому не только наиболѣе знакома, но, пожалуй, наиболѣе дорога судьба русской адвокатуры.

„Состояніе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ — пишетъ В. Д. Спасовичъ — есть въ сущности институтъ не частнаго права, а публичнаго; ему можетъ быть приданъ обманчивый видъ личнаго патроната, но оно только и можетъ существовать при подложеніи подъ него идеи новиціата, въ смыслѣ настоящаго его основанія. Идея новиціата—хотя и не выражается въ судебныхъ уставахъ—до того вошла, однако, въ плоть и кровь адвокатуры, въ

наши адвокатскіе нравы, что совѣты, сами того не замѣчая, ей только слѣдуютъ, хотя и пытаются порою идти назадъ и прикрѣплять институтъ къ его первоисточнику, т. е. къ 354 статьѣ учрежденія судебныхъ установленій".

Совѣты, значитъ, не руководствовались 354 ст. Имъ приходилось самимъ, на собственный рискъ и страхъ, созидать „разсадникъ" адвокатуры. Столичный нашъ совѣтъ,—да и другіе, кажется—пошелъ по этому пути и самъ организовалъ стажъ: онъ вмѣнилъ помощникамъ въ обязанность посѣщать конференціи, докладывать въ нихъ рефераты по практическимъ вопросамъ права, отбывать въ теченіе стажа обязательное число уголовныхъ защитъ. Предлагались и другія мѣры, — проектъ ихъ подробно разработанъ К. К. Арсеньевымъ въ „Замѣткахъ объ адвокатурѣ". Но все это дѣлалось, а чаще всего проектировалось, спорадически, не съ равною энергіею въ разныя эпохи, въ зависимости отъ большей или меньшей приверженности даннаго состава совѣта къ той или иной системѣ: ибо по закону—и въ этомъ источникъ всей болѣзни—совѣтъ не былъ вовсе обязанъ и въ сущности не былъ даже вправѣ налагать на помощниковъ какія-либо обязанности: ему подчинялись только потому, что въ роковой часъ онъ властенъ былъ отказать непокорному въ пріемѣ въ сословіе. Власть совѣта по отношенію къ помощникамъ систематически отвергалась высшею судебною

инстанціею и держалась только силою этого страха передъ будущимъ.

Какъ бы то ни было, но значительное большинство нынѣшнихъ присяжныхъ повѣренныхъ проходили именно эту школу и никакой другой; только установленныя совѣтомъ обязанности реально исполнялись, и только ихъ исполненіе въ дѣйствительности требовалось для поступленія въ сословіе. Все остальное всегда было и осталось донынѣ комедіею. Помощничество существуетъ у насъ, какъ и вездѣ, поскольку есть потребность въ помощи,—такъ оно, вѣроятно, будетъ существовать и впредь. Но *обязательнаго* помощничества,—помощничества, какъ единственной обязательной системы подготовки, у насъ никогда не было. А въ этомъ весь вопросъ. Говорить, что система личнаго патроната у насъ испытана на дѣлѣ, значитъ смѣшивать бумажное предписаніе закона съ живою дѣйствительностью.

Помощники наши должны быть введены въ ряды сословія и подчинены надзору совѣта. На совѣты должна быть возложена *обязанность* организовать для помощниковъ систему подготовки. Это несомнѣнно. Но никакихъ дальнѣйшихъ предуказаній не требуется, ибо всѣ эти указанія могутъ пока имѣть только доктринерскій характеръ. Системы могутъ и должны пока варіировать, сообразно мѣстнымъ условіямъ, ибо ни одна изъ нихъ въ цѣломъ не была еще нигдѣ испытана. Во всякомъ случаѣ

закрѣплять въ форму закона ту систему, которая явно не выдержала напора жизни, значитъ ломать жизнь неизвѣстно во имя чего.

Какая бы впрочемъ ни была принята форма, важно уже то, что вопросъ объ адвокатской школѣ поставленъ на очередь. Вопросъ этотъ выдвинутъ впервые проектомъ, и въ этомъ несомнѣнная его заслуга. Школа, правильно организованная—такое же орудіе для возрожденія адвокатуры, какъ и сословная автономія.

„Во времена оны—повѣствуетъ одинъ лѣтописецъ французской адвокатуры—вся молодежь, наилучше образованная и изъ самыхъ почтенныхъ домовъ, стремилась стать адвокатами и проявлять свои таланты на этомъ поприщѣ, для того чтобы добиваться затѣмъ должностей совѣтниковъ“. У насъ адвокатура никогда въ такомъ авантажѣ не была; а все же памятны случаи, когда сановные посты покидались ради адвокатскаго значка и наоборотъ. Но то была юность, адвокатура была еще привлекательною и, главное, добродѣтельною дѣвою,—законный бракъ съ нею былъ почетенъ. Затѣмъ ее объявили блудною дщерью юстиціи—и вся, весьма добродѣтельная, судебная знать стала отъ нея чинно сторониться. Если адвокатъ изрѣдка назначается на судебный постъ, то не какъ адвокатъ, а какъ „бывшій титулярный совѣтникъ“. Судья идетъ въ адвокатуру съ отчаянія, въ горестномъ сознаніи, что онъ

жертвуетъ своею невинностью ради бреннаго металла.

Между тѣмъ, вы видите, гг., все это была сплетня,—пустая житейская сплетня: для нашего разрыва съ судебною магистратурою нѣтъ и не было никогда реальныхъ основаній. Мы сбились съ пути и никакъ встрѣтиться не можемъ,—и все это потому, что всѣ мы—вся судебная семья—слишкомъ мало считаемся съ одною истиною, выраженною съ большою простотою въ слѣдующихъ словахъ того же лѣтописца: „Какъ ни одно государство не можетъ существовать безъ справедливости, такъ справедливость не можетъ быть достигнута безъ участія ея служителей; а адвокатъ есть служитель справедливости“.